
Лиана ШАХВЕРДЯН

* * *

Одинокая мачта —
стойкий кипарис в ночи...
Приснись мне!
Чтобы голос сливался
с лазурью поникшего дня
и раздумья о новом
разгонялись попутным ветром.
Позови в места,
где вознесусь
не жрицей твоего огня...
Сама...
Длинная аллея ждала...

* * *

Несчетное звезд количество —
созвездие далекой юности,
до сих — единственный компас
во встроенной непонятной геометрии,
под сердцем пульсирует обреченно:
вечны муки идеи — птицы
со скрученной в спираль на шее
длинной белой фатой...
Мечта на вершине превращается
в разреженный воздух,
где за каждый глоток
проплачено слепотой
в ультрафиолетовой дали...

* * *

Выпусти птицу из груди!
Лети за ней туда,
где параллели пересекаются в жертвенности
и на тонких волосках
одинокие ноты недосказанного:

Лиана Шахвердян родилась в Тбилиси. Окончила Тбилисский государственный университет (механико-математический факультет), преподавала в Москве и Тбилиси. Автор многочисленных публикаций, в том числе в журналах «Литературная Армения», «Гантиади», «Веси», «Место и время», «Дружба народов», «Знаци», «На холмах Грузии», в антологиях славянской поэзии. Почетный член Пушкинского общества русскоязычных литераторов Грузии «Арион». Автор книг «Многогочие» (Ереван, 2015), «Весна отчаяния» (Ереван, 2018).

чумная чечетка чувствознания
спелого каштана, подпрыгивающего
на раскаленной адовой сковороде
осенней агонии;
острый наждак патриотизма,
оттачивающий камень рода,
народа;
бурый бархат знамени,
пропитанный ветшающей кровью...
Льется рекой!

И река перестанет быть рекой!

Кровь перестанет быть Рекой!

... Пока незнакомый луч абстрактности
не пронзит дно земли:
в новых проекциях
острия копий
проклятий, заклятий
противостояния параллелей
родов-народов...

Поплывут деревья по стенам!
Сместятся светила в человеческих умах!

И время протянет руку...

В безмолвии воздух жертвенности.

Нет жизни без воздуха.
Нет воздуха без жертвенности.

* * *

Мяукал в спину
мне
Париж!

Шум Сены.
Распласталось
лоно...

Мадемуазель под вуалью —
глаз
прикрыт,
Эйфелевый
пик
из перьев шляпы.

И терпкий воздух
голых спин,
воздушных поцелуев —
 лабиринты
 улок.

Мне снится?..

...Явь! — безводье
лиц-улиц,
 изгибов
 безупречных...

уловки фонарей:
прибрать весь
 свет вокруг!

турбины в «пар»:
из горловины ночи
грохочет смех,
картежный
 пир
 в шабаш.

...И снежно
закручивает
в случайный вихрь
локон
 штучный:
непонятно
 напомажен страх.

В «неведении»
 рук длинных
сцена — отдана химере...

....Ворох птиц...

И жадность счастья —
 бытия!

....

Мяукал в спину
мне Париж,
и я —
 расстегиваю
 ворот!

Мне не хватает
птиц
 других

...и гор
 молитв...

...и Богоматерь

Явь
 Превеликой...

.....

.....

Аминь.

* * *

Сухая женщина с розовыми волосами
надеется на оттепель после революции:
талые воды гор оросят
ее бесплодную горизонталь —
спасут от безводья...

Рыхлый мужчина в голубых джинсах
надеется на оттепель после революции:
талые воды гор сметут
вертикаль предков,
осуждающих безволие...

Платья-кружева последнего
снега — романтика
не отведут
глаза от весеннего таяния:
вера — не надежда на
оттепель...

Тело и Дух — едины — цветут
сады в Воскресение —
пересечение вертикали-горизонтали...

Богоматерь
молится о спасении...

* * *

«У забвения — свои законы, —
говорила старая Ханума. — Умирает,
когда во рту тает
настоящая халва!»
...Раз в год
в день празднования
весеннего Навруз

переливов образы-прообразы,
улыбки — дети ее...

Персия!
Память не случайно
казалась липкой
в разы,
когда цвет глаз
сливался с «разводом»
серебра-золота
солнца-луны;
пытливые чары
могущественных отцов
величественно смягчались,
лаская нежную прядь
зелени робких пальцев
первых цветов...

Потом
наступала
тишина...

Вера не пряталась
в темные одеяния, платок
или в напоказ несчетного алмазов...
Сердце протягивало руки! —
снилась светлая стена
крепостей
из гор несусветных сладостей...

«У забвения свои законы, —
говорила старая Ханума. —
Умирает..., когда во рту у детей
тает настоящая халва.
Чудо!
Так, — считала она, —
дух сливается с телом,
когда пора
в левой руке нести вечный факел!
Тогда любовь жива!»

Мудрость предков, как кирпичики,
перекладывались под углом стрелы —
новой золотой свечи!
Знания освещали старых следов забвения — темные углы...

...раз в год
в день весеннего
равноденствия

серебра-золота
Новолучезарного Солнца-луны...

В Навруз!..

* * *

Смотреть,
как горит Нотр-Дам де Пари...

Не смотреть,
как горит Нотр-Дам де Пари...

Не перебирать в скукоженной памяти
святые писания,
предвещающие закат-ад;
не раскладывать по полкам знаки —
длинные хвосты-языки... Так химеры,
обмотавшись в шпик, в силе —
скинуть Христо-Вертикаль!
И не для глаз
слезы пригвожденных
горожан —
на плахе,
в молитвенном экстазе.

Вера — Воля!

Черная сажа-порча-парча —
лучезарным дождем витражей!
Стены, что строились на века, —
не дотла!
И Пресвятая Мать на Небесах —
всегда!
простит, утешит...

Париж!

* * *

Ночь на плечи легла водопадом,
в волосах —
заплутавшие звезды:
над Мтацминда взлетали, как птицы,
и светились в фонтановы искры...

В снах веселых сосновых веснушек
и пушистых еловых ресничек
все, как прежде, —

царственна нива! —
отголоски далекого пира...

И тосты,
что горою единой, —
и мосты —
над великой Курою:
Авлабара, Метехи, Мейдана,
Сурб Геворга, мечети, Самеба, Александра Невского
церкви,
ханукальных светильников, свечи —
все соседство
над лентой —
рекою!..
...что разбавит шарманщик нештучный
непонятым еще —
и французским...

Ночь на плечи легла водопадом:
про любовь
и застольную нашу!
и про корни, и руку Вахтанга:
всем в наказ и указ —
только «кверху!»

Мравал жамиа! — славься вовеки!
эхом долгим...
...протяжно легато:
кипарисовых теней аллеи,
что в столпах снисходящего неба,
и Хосроидов род спит спокойно,
охраняет под бархатом ночи
мир —
на стойкие
царские плечи...

Ночь на плечи
легла водопадом, в волосах —
заплутавшие звезды...